

Евгений Буянов

**УЛЫБКА
НА ТРОПЕ**

Евгений Буянов
Улыбка на тропе

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176868

Аннотация

Короткие походные истории, юморески и шутки.

Содержание

Сборник «Дорога»	4
Вело рюкзак	4
Излишний вес	6
Е.В.Буянов, А.Н.Соболев	10
Е.В. Буянов	13
«Ош-билетчивание»	16
Подрюкзачная этика	18
Жор!	19
Сборник «Крутые повороты»	21
«Гражданская война» на Танымасе	21
Е.В. Буянов, Ю.А. Кузнецов	25
Е.В. Буянов, П.П. Захаров, Ю.А. Кузнецов	29
Домбайский бокс	31
Шхельда	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Буянов

Улыбка на тропе

Сборник «Дорога»

Вело рюкзак

(Туристские истории)

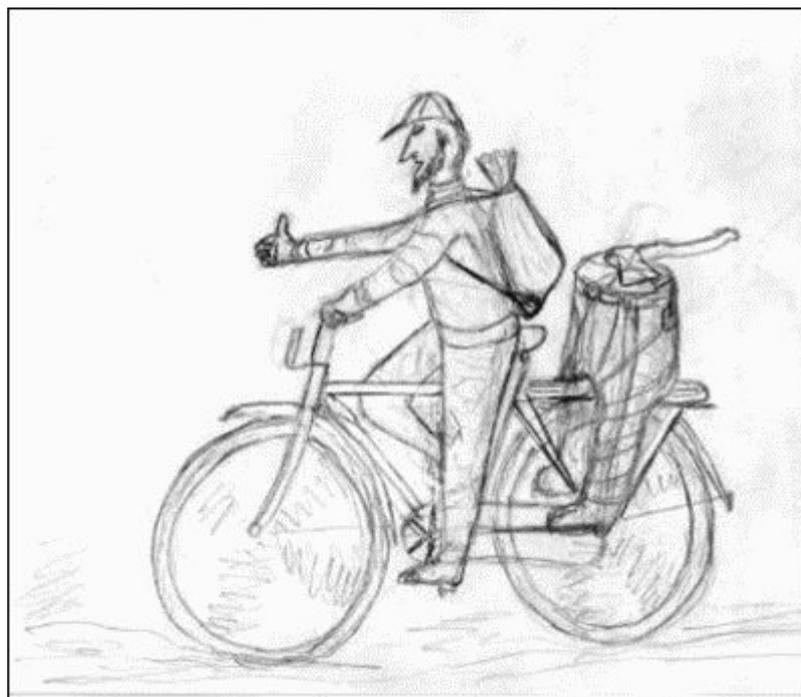
«Обычный» рюкзак ведет свою родословную от простого мешка, в углы которого для утолщения вложены шишки или куски тряпки, а ляжки выполнены из веревки, охватывающей горловины этих углов (над утолщениями) и стянутую горловину широкого верхнего отверстия. В отличие от этого «прарюкзака», современный велорюкзак ведет свою родословную от солдатских штанов-бриджей «под сапоги» с пришитой сверху матерчатой «покрышкой» – откидным клапаном широкого верхнего отверстия. Клапан достаточно было пришить по задней стороне брюк вдоль пояса, а под штрипки ремня закладывалась стягивающая веревка или резинка для разгрузки крепления клапана. Оно с боков и сзади замыкало клапан застежкой-молнией. Низ штанин подгибали и прошивали с образованием канала, через который они легко фиксировались за выступы заднего колеса рамы велосипеда. Такой вело рюкзак «сажали» на заднее седло, закрепляли дополнительными ремешками и резиновыми тягами, и набивали его походным снаряжением вело туриста.

Но вот однажды путешественник, для облегчения своего велосипеда на время радиальной отлучки, снял велорюкзак-штаны, и спрятал их в придорожных кустах. При возвращении он увидел у своего «схрона» местную деревенскую бабку, случайно обнаружившую необычную «закладку». Та была вне себя от ужаса: представьте себе чувства пожилой женщины, нашедшей в лесу «половинку» человеческого тела.

Ну и страху накатило, – чуть кондрашка не хватила!

Велосипедисту стоило немалого труда успокоить ее. И только когда он извлек рюкзак-штаны из кустов и показал, что набит он не человеческим мясом, а мятыми «тряпками» вело туриста, она окончательно успокоилась, и чувство испуга постепенно уступило место здоровому смеху...

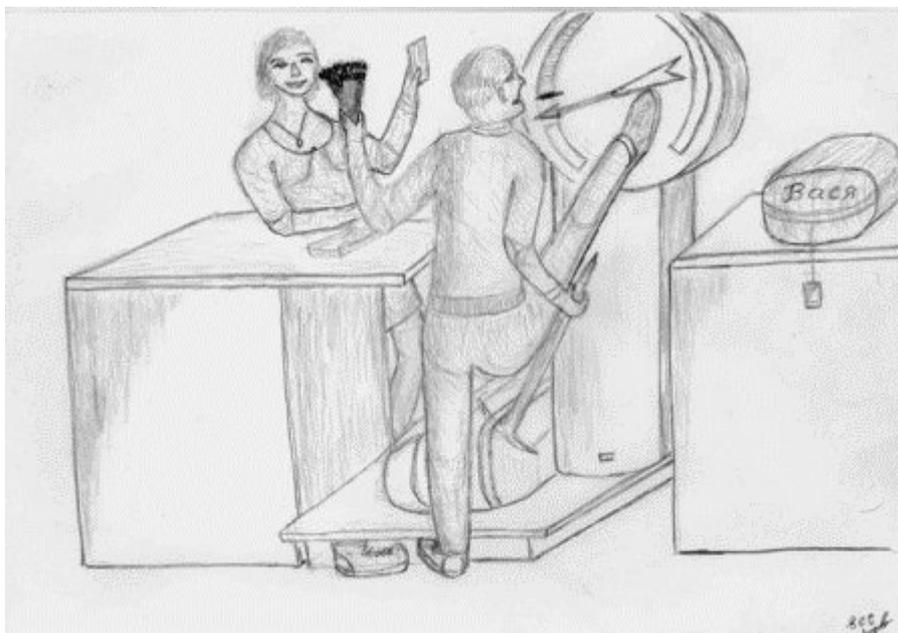
Рисуночек дает представление об истории обеих рюкзаков, – и обычного, и вело...

17.02.03.

Излишний вес

*Излишний вес, он просто бес...
Чтоб он исчез, излишний вес!..
(Ю.Визбор)*

К концу похода рюкзаки тощали вместе с их владельцами. А вот в начале похода они страдали от пищевого ожирения так, что их трудно было втиснуть в 30 кг аэрофлотовского лимита без дополнительной платы. Оплата эта по меркам советских инженерных зарплат была не слишком малой, потому от нее старались уйти доступными средствами.

– Коля, шеф велел как-то «облегчить» рюкзаки и жизнь для регистрации. Чтобы не потребовали доп. оплаты.

Лицо Коли Чегнева на несколько мгновений окаменело, а длинные, тонкие усы зашевелились, выдавая напряженную работу мысли, в которую включился весь коллектив...

– Весы «Цифирь-Блатные!» С «Цифирями» разберемся, коли «блат» поймеем.

Первая коллективная мысль была: перетасовать груз так, чтобы облегчить наиболее тяжелые рюкзаки, уравнив вес так, чтобы у всех было только небольшое превышение, – на перевес в 2–3 кг обычно внимания не обращали. Перетасовку сделали, но, – вот беда, – легких женских рюкзаков было мало, почти все перетягивали «за 40». Немного легче были только три женских рюкзака из 12-ти участников двух фанских походов «пятерок». «Перетряска» дала мало! У нашей группы перевес рюкзаков был и из-за того, что один участник с нами не ехал, а должен был присоединиться к нам в горах, – продукты мы везли на всех.

Появилась мысль присоединиться «на пару» к пассажирам с «дистрофичными» сумочками. Таких пассажиров на тот рейс в Душанбе тоже было немного, и еще меньше желающих участвовать в сомнительных махинациях с весом. Одного подходящего интеллигента Гарик, наш руководитель, нашел. При регистрации Гарик к небольшой сумочке этого товарища поставил в виде «довеска» свой рюкзак объемом без малого литров полтора и весом примерно в полцентнера. Рюкзак был таким, что когда Гарик шел под ним, сзади были видны только его ноги ниже колен, – все остальное, включая голову, рюкзак заслонял с огромным запасом. «Мы летим вместе», – кратко сказал он мрачноватым тоном, не терпящим возраже-

ний, и уперся в контролершу взглядом кристально честного человека. Против таких «аргументов» возражать было трудно, – номер «прошел», а рюкзак прошел на погрузку.

Еще частично удалось разгрузить рюкзаки за счет «ручной клади». Вообще эту ручную кладь весом до 5 кг следовало класть на весы вместе с основным грузом, – тогда ее вес учитывался, на нее вешали дополнительную бирку, с которой законно проносили в самолет. Суть простейшей махинации состояла в том, чтобы в ручную кладь с биркой после регистрации добавить дополнительный вес. Еще хитрее можно было объединить две клади в одну, а освободившуюся бирку подвесить на третью. Вот так мы снабдили «законной» биркой увесистый баульчик весом килограммов пятнадцать. Для конспирации мы назвали его «Вася». «Васю» тихо пронесли в самолет, при входе показав бирку стюардессе. Внимание молодых стюардесс от «ручной клади» (явно превышавшей лимит 5 кг) старались отвлекать «актуальными вопросами о полете, самолетах, кормежке в пути, об аварийности в гражданской авиации, вызывающе-нагловатыми ухаживаниями, комплиментами, просьбами назвать имя и „дать телефончик“.

– Девушка, девушка, объясните, пожалуйста, что нам делать, если самолет вдруг упадет в воду?..

– Девушка, девушка, а вы знаете, что делать, если самолет упадет в горах на ледник. Могу объяснить. Я Вас устрою в своей палатке...

Со старшими женщинами так «финтить» было сложно, – они сразу напрягались, насто- раживались. Но и у них проявления «назойливости» вызывали нужную реакцию, желание «отвязаться» от клиента, не «связываться» с ним по-крупному...

Сущим «кладом» тогда, в июле 1978, явились неисправные весы. Эти весы у временно неработающей стойки мы использовали для предварительного взвешивания груза и заметили, что до веса в 27 кг они давали правильные показания. А вот после 27 кг они начинали врать, показывая все время те же 27 кг. Видимо, у них попало что-то под платформу, и они «садились на упор». Для предварительного взвешивания мы стали использовать другие весы. И вдруг увидели, что регистрация на наш рейс началась и у стойки с неисправными весами. Сейчас же встали к ней в очередь, чтобы «поймать» при регистрации рюкзаки весом 27 кг. Номер «прошел» вместе с большей частью наших рюкзаков. Не прошли только два последние, не самые тяжелые. Контролер заметила, что весы показывают один и тот же вес, и распорядилась оставшимся пассажирам пройти регистрацию у другой стойки.

Но опыт с неисправными весами пригодился. Позже научились класть рюкзаки на весы небрежно, – так, чтобы край торчал наружу. В этот край аккуратно «сабо-монтажники» упирались носком ботинка, приподнимая рюкзак вверх, так уменьшая показания весов (за неимением деревянного ботинка «сабо», запускаемого «саботажниками» в станок для его поломки, мы использовали обычный ботинок). Вместо ботинка в качестве рычага можно было использовать ледоруб или какой-то иной предмет-подпорку, на который ложилась часть веса... «Чистота» приема зависела от незаметности исполнения и от того, насколько быстро удавалось успокоить стрелку весов: колебания стрелки говорили о том, что «что-то не так». При этом желательно было отвлечь внимание контролеров разговорами и «общим базаром» всей группы у стойки.

«Большой базар» у стойки с «качанием прав» и технические диверсии с прокладками под платформу весов были небезопасны. Несмотря на то, что у нас и «по базару», и по технике саботажа имелись крупные специалисты. Не «любители» базара, а его профессионалы. За «большой базар» или техническое жульничество могли не пустить в самолет и привлечь за мелкое хулиганство. А вот «малый базар» с мягким упором на человеческие чувства, с байками об опасностях гор и походов, со скрытыми рыданиями о нищенской зарплате, голодных детях и «последней рубашке», которую отдал за билет, – такой базар был допустим, и являлся особым видом искусства...

Еще один простой прием уменьшения веса состоял в том, чтобы напаять на себя побольше тяжелых вещей: надевали в самолет ботинки, пуховки, свитера, каски, вешали через плечо основные веревки. Запомнилось, как изрядно располневший Дрюня на контроле перед «отстойником-накопителем» брякнул на стол ледоруб и с хрустом расстегнул пуховку. Под пуховкой на обвязке блеснул целый арсенал крючьев, веревок и карабинов, как будто он собрался лезть не в самолет, а, по меньшей мере, на Безенгийскую стену. От таких «толчков» обалдевшие контролеры сразу начинали догадываться: да, конечно, компания «самоубийцев», но делать «это» будут «не на яроплане», а «в походном плане»...

Перевес двух рюкзаков килограммов на шесть пришлось, что делать, оплатить. Зато совесть у нас после этой операции была кристально чиста. За сколько тогда недоплатили, – за 150 или 200 кг, – так для нас и осталось загадкой.

Возникли сомнения, что наш ИЛ-18 сумеет взлететь с таким перевесом груза. Гарик решительно их пресек.

Полетели! Родной город провожал нас мириадами ночных огней, – эта картина навсегда ярко врезалась в память.

Но взяли с собой еще не весь походный вес. Бензин, сухофрукты, сахар и еще кое-что докупили в Душанбе (Бишкеке). Как мы таскали такие веса по горам, – непосвященным было неведомо, они не знали «секретов» подъездов и забросок. Тем более, непосвященным было неведомо, зачем мы все это делаем...

Распределение груза перед выходом в поход. Высокий Алай, 1983.

Я сердце оставил в Фанских горах,
И пищу в них съел, что была в рюкзаках!..

В конце похода отощавшие рюкзаки набивали дынями до предельного веса. Химичить же с весом в состоянии усталости было просто лень.

Самый большой «перевес» я наблюдал позже, в 1988, на ТУ-154. После спас работ в Ленинанкане в него напихали столько гору спасательного инструмента, включая сварочное оборудование! Груз никто не взвешивал. Долетели нормально. Крепкие у нас самолеты...

Позже аэрофлотовский лимит уменьшили до 25, потом до 20 кг. Но мы уже умели пробивать эти барьеры. Народ ушлый, – инженеры! – С весами и билетной бюрократией управиться – пара «пустых»!..

Излишний вес, – вот интерес:
Чтоб он пролез, – излишний вес...

Е.В.Буянов, А.Н.Соболев **«Мазай» и «зайцы»**

(Туристские истории)

Проделки наглых туристов советских времен в пригородных электричках носили, по мнению контролеров и «жэ-дэ» начальства, вызывающий характер. Эти «бродяги» не только перегружали проходы в вагонах огромными рюкзаками, влезали в поезда через окна, горлачили блатные песни под гитару. Многие из них вообще не признавали билеты. Они подделывали «новые» билеты путем изменения дат на «старых». Пользуясь «численным превосходством» компании туристов, вступали в длительные пререкания с контролерами, доводя дело до скандалов, а иногда и тихо отказывались платить штраф, вообще не отвечая на требования. Некоторые стремились «заговаривать» контролеров, задерживая и отвлекая от работы. Например, так:

– Девушка, а откуда Вы такая красивая? Девушка, а нельзя ли телефончик? Мне надо кое о чем с Вами договориться... Ну, сначала в ресторан, а потом, как у нас это... Как получится. В ресторане я, хо-хо, вполне платежеспособен...

Особые фантазеры начинали вранье «остряков-придурков», вызывающее улыбки окружающих:

– Девушка, поверьте, прям катастрофа вышла. Из палатки украли все деньги! Только на минуту отвернулся, и – бах! Все вытащили, – и рубль и «треху». Вы знаете, я очень свояка подозреваю. Он, чуть что, «трояк» в зубы, – и в сельмаг за бутылкой! Хошь за десять «кило» через лес! Он во втором вагоне, Вы его по хитрой харе сразу узнаете...

Некоторые туристы убегали от контролеров в «свободную» дверь на остановках, и возвращались в вагон через другую дверь. А некоторые «шастали» и через соседние вагоны. Бывало, скандалы принимали дикие формы с откровенно хамским выпихиванием контролеров, в зажимании их дверями, и в затирании «толпою мрачной, стеною плотной»... Это случалось тогда, когда «входили в раж», – увлекались процессом, находя в нем интересное приключение для истребления дорожной скуки.

Конечно, особо крупные нарушения происходили при наличии нескольких «благоприятствующих» факторов: очень высокой концентрации «зайцев» в вагоне, при отсутствии милиции и наличии вожаков, – «настоящих буйных» (по словам Высоцкого). А также, конечно, при наличии «моральной» поддержки «буйных вожаков» со стороны «своих компаний» и остальных безбилетников вагона.

«Буйные вожаки» – особые любители такого рода «приключений». Люди решительные, авантурные, и не всегда трезвые. Про одну из «таких», даму «горячую», знакомый руководитель похода рассказывал коллеге, очень нуждающемуся в участнике для похода (для сложного похода надо было иметь не менее шестерых «с опытом»): «...Нужна участница тебе? Есть, туристка сильная, но... Уж очень баба базарная. Покоя не будет, приключений не оберешься. Обсуждать будет все, что можно, что ненужно!..» А тот: «Хрен с этим, тащи ее сюда, а то поход сорвется! Заодно и не соскучимся!..» В общем, «хватая мешки, вагон поехал под смешки!» Переругать она могла не менее десятка контролеров. Пылкая любовь к «базару» и талант крупный!

Случалось, что контролеров вообще не пускали в вагон, – подобное вытворяла и эта энергичная девица, запросто блокируя двери «самостраховками» из репшнуров и карабинов.

В общем, хулиганские безобразия творились такие, что и «покойник возмутится». Конечно, на подсознательном уровне существовало глубочайшее непонимание между людьми, еще находящимися в игривом настроении выходных дней и людьми на работе, в суровых трудовых буднях.

Понятно, что поведение зайцев-хулиганов выводило из себя не только несчастных контролеров, но и их высокое начальство. А оно в духе того времени устраивало «компании по борьбе», «месячники („месячные“!) контроля», рейды и облавы с привлечением транспортной милиции...

Так, в частности, решили «взять в оборот» целый вагон наглых бродяг, о безобразном поведении которых контролеры сообщили через машиниста на Финляндский вокзал.

– Что, контролеров в вагон не пускают? Какой вагон? Пятый? Остановите поезд на своем пути перед вокзалом, мы им подготовим «встречу».

Электричка встала, не дойдя несколько сот метров до вокзала, где шли неспешные приготовления к облаве: перрон заблокировали, а для оцепления «мятежного» пятого вагона готовили особо усиленный наряд контролеров с милицией. Но быстро «вернуться на „вздрычку“ не успели.

А «мятежный» вагон «зайцев» уныло притих в ожидании расправы в остановленной электричке. Грустно притихли и «буйные вожаки». До всех стал доходить и смысл остановки, и смысл ранее услышанных угроз контролеров. Поняли, что на перроне ждут «пытки» и «казни» в виде штрафов и милицейских актов за мелкое хулиганство. Вагон превратился в «камеру временно задержанных», поскольку сбежать в соседние вагоны не представлялось возможным, – они тоже были переполнены.

И тут в компании объявился тот, кого мы назовем «Мазаем», – ангелом-спасителем «зайцев» по аналогии с сюжетом известной поэмы Некрасова. С сиденья решительно поднялся невысокий, но плотный, коренастый мужичок:

– Чё ждете, ядрена вошь? Когда с милицией придут, и штрафы начнут выколачивать, как пыль из матрасов? А ну-ка!..

Подойдя к двери, схватился за одну половинку руками, уперся в выступ другой половины ногой и приоткрыл дверь. Стоявшие рядом мужички быстро «ухватили идею» и створки двери, раздвинули их совсем и стали держать, пока остальные «зайцы», прихватив рюкзаки и детей, посыпались из выхода, как горох. Общая беда сплачивает: народ проявил необычайную дисциплинированность и взаимопомощь при высадке. При полном отсутствии давки, толкотни, ругани, и при наличии эффективной взаимопомощи вагон опорожнили за полторы-две минуты. Бежали все, – даже те, у кого билеты были, бежали по принципу: «все побежали, и я побежал». Настолько быстро, что на вокзале никто ничего не заметил.

Далее через щели в заборах и лесенки перронов вся беглая «компания» быстро распалась и растворилась в толпах вокзала, метро и городских кварталах. Но сбежали так не все, – часть осталась с интересом наблюдать с перронов, «а что же будет дальше».

«Встреча», наконец, была подготовлена «по всей форме». Когда поезд подали к вокзалу, вагон был тут же оцеплен и заблокирован милицией и контролерами. Каково же было их удивление, когда они увидели совершенно пустой вагон, а из открытых дверей вышел всего один пассажир, – тот самый «плотненький» Мазай. Диалог с Мазаем вышел очень коротким:

– А чё?

– А чё?.. Ни чё!..

И Мазай спокойно протопал по перрону мимо контролеров.

Они же, растерявшись, даже не спросили у него билет, хотя билет-то у него был, проверки он не боялся. Возможно, именно это и помогло ему не растеряться и стать спасителем целого вагона железнодорожных «зайцев», часть из которых давилась от смеха, наблю-

дая завершающую сцену с соседних перронов. При этом и восхищаясь мудростью Мазая, и воздавая хвалу неповоротливости начальства. Последняя кому-то нож острый, а кому-то «палочка-выручалочка». При наличии Мазая!

«Старая сказка сбудется вновь!..»

Написано по рассказу Соболева А.Н. 13–14.02.2003 г.

Е.В. Буянов «КПЗ»

(Туристские истории)

На большие скалы Ястребиного озера наша компания горных туристов ездила тренироваться, оформив через станцию Кузнечное коллективные пропуска в погранзону и совершая подход по лесу за 3 часа «с гаком» (или через поселок Богатыри за 4 часа). Более короткой была дорога от следующей станции Куликово, но здесь пограничное начальство не пропускало. Однажды (в конце 70-х) все же рискнули проехать до Куликово, но ночью ошиблись, и вышли еще на остановку дальше, – в Хиитоле. Здесь сразу были перехвачены пограничным нарядом и отведены в «камеру временно задержанных», которую для солидности мы назвали «КПЗ», – камера предварительного заключения. «КВЗ», конечно, так, «мелкотня» и «слякоть» с точки зрения настоящих «зек»». Паспорта и пропуск пограничники сразу отобрали.

Рюкзаки нас заставили сложить в другой комнате, а в «конуре» наша компания из десяти мужиков и трех женщин с трудом разместилась сидя, в ожидании утра «до выяснения», когда появятся офицеры заставы.

Разговоры, конечно, ударились в сторону обсуждения «сроков заключения в „тюряге“ и перспектив содержания „на казенных харчах“. Было ясно, что до „харчевни“ доберемся не скоро. По площади мы имели 1 кв. метр на 3–4 человек, – заметно меньше, чем на кладбище, как заметил один из нас. На каждом внешнем „телодвижении“ нам объясняли на „железном“ военном сленге, что „это не положено“. Вещи с собой – „не положено“. Дверь держать открытой – „не положено“ и т. д. Потому разговоры меж собой велись такие:

– Пришло наше время... После пионерских и туристских лагерей получить опыт лагерей «общего содержания»!

– Да, потом будем за водкой вспоминать, как «сидели вместе».

– Все «не положено», да «не положено»! Ни спальников, ни закуся!

– Положено!.. А что, нам вообще-то что-то «положено»?

– Ни хрена нам не положено, пока мы положены в эту комнату!

– Нам остается только «положиться» друг на друга.

– Да, в такой тесноте ничего другого не остается.

– А комнатуля по площади, как две «памирки». Полный комфорт по туристским меркам.

– Может, потренируемся? Полазаем по стенкам. Можно и в распор, если кого-нибудь приложить к стенке в качестве прокладки.

– Чтоб за следы ботинок на потолке сразу морду набили? А потом назначили полный курс устава гарнизонной и караульной службы с экзаменом для усушки мозгов?..

Меж тем, в комнату «ввалили» еще двух задержанных, – пьяниц в очень «веселом» состоянии. Я полагал, что их должны бы были «для порядка» хотя бы чуть-чуть обыскать, но ничуть не бывало. Один из них с восторженной улыбкой тут же вытащил из-за пазухи слегка початую бутылку «Столичной» и предложил всем «добавить» с ним «из горла за компанью». Его физиономия сияла, – мы поняли, что он здесь завсегдатай, и «весь при счастье» в таком состоянии. Пить в КПЗ ему оказалось вполне «положено» и он «надрался до портянки». Другой же сразу растянулся на полу и отключился, лишив нас значительной части драгоценной жилплощади. К счастью они были «крепенькие», – из них ничего не вылива-

лось наружу. Правда, второго вскоре куда-то увели: видимо, отпустили как «старого знакомого», либо постеснялись держать с нами. Пить мы, конечно, отказались, но часть веселости и «свободы духа» от пьяницы передалась и нам. Шуточки «лузгали», как семечки.

«Отягчающим» обстоятельством для нас было то, что в коллективном пропуске значилась Галина С., а вместо нее мы взяли Татьяну П., но предъявили паспорт Галины. Поэтому мы стали усиленно «ломать голову», вспоминая паспортные данные Галины, чтобы «накачать» ими Татьяну для ответов на «допросе». Было загадкой, обнаружат ли офицеры несходство фотографий (не столь уж явное) «на лице» и в паспорте. По этому признаку лже-Галину вполне можно задержать, как «шпионку», а всю нашу компанию из 13 человек еще на трое суток «до выяснения» с более крупным начальством, когда оно проспится после пьянки в выходные. Перспективы были туманные... Оставлять товарища, тем более женщину, здесь, в беде, мы не намеревались. И морально готовились «забастовать» все, если «погранцы» вздумают кого-то задержать. Думалось, что с такой многочисленной «шарагой» они не захотят связываться надолго. Мы могли потребовать и кормежки, и более сносных постельных условий. По этому поводу стали пытаться вспомнить, каковы права заключенных, но об этом наша интеллигентная компания инженеров и научных работников имела весьма скудный запас знаний. Поколению отцов мы явно уступали. Пришли к выводу, что прав у нас никаких: скажут, что «заключенными» мы не являемся. Просто отпускать «не положено», кормить «не положено», а «положено» только в туалет под конвоем...

Руководитель группы и секции, Гарик Худницкий, бывший и начальником крупного отдела в нашем «КБ без вывески» прикинул, к кому и какая приедет «телега» («бумага»), и как ее «тормознуть» через инстанции. Некоторый опыт на сей счет имелся, и тихие административные похороны «телеге» были обеспечены.

Утром каждого отвели на краткое «собеседование» к начальнику погранзаставы. Особо напряглись, когда увели Татьяну, лже-Галину. Остальные «наши» были чисты, как «стеклышки». Все прошло гладко: офицеры то ли не заметили разницу, то ли просто не захотели раздувать пустяк до шпионского романа. После 8 часов «отсидки» оформили акт и выпустили с разрешением ехать «по назначению» через Кузнечное.

На станции нас ждал интересный спектакль с участием «нашего» пьяницы из КПЗ. Как он «брал» вагон свободным лазанием на четвереньках без страховки, надо были видеть! Третья попытка оказалась удачной, – вершина была взята. Видимо, он счастливо заснул в коридоре вагона под стук колес, и проснулся уже за Петрозаводском. Мы, правда, не были четко уверены, в том ли направлении он уехал...

Со сладким чувством свободы поехали обратно, до Кузнечного. После 8 часов «отсидки» и 4 часов марша по лесу с тяжелыми рюкзаками наши выносливые женщины-лыжницы валились с ног. Сказывалась не только физическая, но и моральная усталость. Но никто не ныл, только шуточки приутихли, «зековские» темы стали надоедать. Пока сготовили плотный ужин, наступила темнота. Кто-то устало лег спать, а кто-то подсел к костру со сладким чувством свободы, как будто сбежал из плена. Соседи—студенты пели забавные песни. Запомнилась одна, – про ковбоя, который подбирал себе по цвету, дизайну, весу и размеру все «для ночных скаканий, ночных стреляний»: и винчестер, и седло, и жеребца, и девицу. И ради хорошего их качества был готов на все, «даже на убийство, например...» Тематика песни была очень созвучна настроению. Такой концерт после «отсидки» пришелся очень кстати.

Так мы «прошли КПЗ», как через элемент «горной стихии» и элемент глупости высокого пограничного начальства, не позволявшего туристам передвигаться по пропускам в 30 км от границы. Сами, конечно, тоже виноваты, «прокололись». Совет же и вывод здесь один: если что случится, держаться надо вместе и не позволять никого «отрывать» от кол-

лектива, или кому-то «отрываться». Выпьем «за птичку, которую жалко». Чтобы не повторять ее ошибку! Легендарную ошибку Икара, – надо видеть «истоки»!..

14.02.2003 г.

«Ош-билетчивание»

Процесс обретения обратных билетов от Оша до Ташкента, и далее – до Москвы и Ленинграда поначалу шел с немалыми затруднениями в те августовские дни 1980-го, после памирского похода по Заалаю.

Первая, прямая атака на кассу аэропорта, не внушала особых надежд на успех. Одному из наших, Володе, надо было вернуться домой по служебным делам очень срочно, и на коллективном совете его решили отправить андижанским поездом до Ташкента. Думали, что «в ночь, в одиночку» он сумеет пробиться быстрее...

На вокзале Володю тепло проводили, а сами уселись посоветоваться о дальнейших действиях. Каково же было общее удивление, когда минут через пятнадцать Володя вернулся в наш дружный коллектив! Бывают же такие радостные встречи! Володю неверно проинформировали, и он сел не в тот поезд. И эта ситуация вызвала у всей группы приступ феерического веселья. Это же какой повод появился для новой серии шуток, подкалываний и коллективных издевательств над обстоятельствами, в которых мы оказались. Интересно: прощание с товарищем вызвало немалую грусть, а его возвращение явилось как-бы неожиданным подарком судьбы. Надо уметь посмеяться над негативными обстоятельствами, и тогда они сразу изменятся. Сначала в душе, а потом и в делах.

С новым задором атакуем кассу аэропорта. Не прямо «в лоб», а слегка обходными путями, с коллективной заявкой. Пошло в ход все: бумага об участии в чемпионате СССР, красная книжечка Лени Кренгауза «Мастер спорта СССР», конфетки, цветочки и рассказы о крутости памирских перевалов для девушек-кассирш. Скоро нас там уже знали хорошо и, видимо, им стало ясно, что эту группу праздно шатающихся оборванцев хочешь-не-хочешь, а придется «сплавить» в Ташкент одним из ближайших рейсов на Як-40. Да и оформить коллективный билет на «10 душ» куда легче, чем 10 отдельных билетов.

Номер прошел! В кассу явилась строгая начальница, и приказала: «Этой группе продать билеты согласно распоряжению номер пять!» Конечно, мы и понятия не имели, что это за распоряжение и кого оно касается, но свято уверовали в силу таинственной инструкции... «Да, а согласно распоряжению номер четыре нас, наверно, вообще должны провезти бесплатно! Только неясно, как „особ приближенных“, или как „особо опасных...“

В Ташкенте «затарились» дынями. На «пятом» распоряжении проехать не удалось, но из-за большей вместительности самолетов вскоре прорвались на Москву. Ледорубы взяли с собой в салон, чтобы они не порвали рюкзаки и не помяли дыни при перегрузке. Это обстоятельство вызвало страшные подозрения одного из пассажиров, бывшего «опера». Он заподозрил, что мы – террористы, и хотим захватить самолет. Сначала он попытался отобрать ледоруб у Гены, а когда это не удалось, стал жаловаться экипажу. Вероятно, он бы пришел в ужас, узнав, что у троих билеты на первые места, у самой кабины пилотов. Потому к нам подошел стюард, и вкрадчиво попросил успокоить не в меру бдительного пассажира, отдать ледорубы на хранение на время рейса. Конечно, мы на это сразу согласились, на чем «ария опера» завершилась. Не знаю, быть может, он продолжал «бдеть» нас до самой Москвы.

Утроба Домодедова долго выпихивала тушки дынь ташкентского рейса, жирные и круглые, как поросята, удивляя нас грузоподъемными возможностями ТУ-154. Наши рюкзаки тоже отяжелели до предпоходной массивности и душисто благоухали дынями.

В Ленинград домчались на «железке», на ночном сидячем. Остался позади первый в жизни памирский поход. Поход не без неудач, но и не без многих находок...

Не сразу дается ответ
Дыханием звездных минут,

Не сразу получишь билет
На самый высокий маршрут...

Подрюкзачная этика

В спешке, при переходе в зале самаркандского аэропорта дядечка Гарик слегка задел рюкзаком своего племянника Вовочку. Конечно, неумышленно. А Вовочка, недолго думая, в отместку умышленно и фамильярно толкнул дядечку рукой. В голове моей промелькнул комплекс интересных вопросов: «Неужто дядечка спустит? Постоит ли он чем-то за свой авторитет идейного вождя и руководителя, или спишет все на „родственную теплоту отношений?..“ Ответ был получен моментально. Дядечка выдал его носком своего кеда племянничку чуть пониже рюкзака... „Руководящее указание“ было воспринято Вовочкой спокойно, а окружающими участниками группы с улыбкой восторга и гордости за своего руководителя. Да, дисциплина и авторитет руководителя в походе значат очень много! А вот вежливость и ее воспитание, – вещи очень взаимосвязанные, но в этических проявлениях немножечко разные. Особенно при наличии нежно-родственных отношений, имеющих свою „святую простоту“.

Контроль удалось пройти быстро и удачно, – за наши явно перегруженные дынями рюкзаки с нас ничего не взяли. Хвала ленивым контролерам! После этого мы, правда, несколько опасались реакции грузчиков, – не начнут ли они «возникать» из-за «тяжело-подъемности» наших рюкзаков, и не обратят ли на это внимание. Опасение быстро развеялось, когда крепкий парнишка-грузчик резво подтащил к тележке сразу два наших рюкзака. Он был, правда, то ли смущен, то ли удивлен нашим чрезмерным вниманием к процессу погрузки и беспричинно шкодливими выражениями на лицах «этих пыльненьких». Он, видимо, подумал, что мы за ним наблюдаем, боясь, что он станет небрежно работать и как попало кидать наши рюкзаки. Он их клал аккуратно, а мы мысленно ему аплодировали, и веселились по поводу удачной посадки на ИЛ-18.

В Ташкенте задержались недолго: Гарик быстро оформил билеты на ленинградский рейс, на который уже шла посадка. Хватаем рюкзаки и бежим сначала по залу аэропорта, а потом по пустому коридору к самолету. Этот сюжет позже навеял строки стихотворения «ВОКЗАЛ», приведенного дальше в «стихотропных картинках».

ИЛ-62 летел, как ракета, проходя за 4 секунды более километра, и за пять часов донес нас из Ташкента в родной Ленинград. Скорость особенно почувствовалась, когда сбоку, на расстоянии в 3–4 км быстро прошел встречный самолет. Под крыльями в просветах облаков проплыли пески Азии, Аральское море, Приволжские степи, леса и поля средней России...

В связи же с описанным в начале рассказа пикантным «инцидентом» вспоминается еще одна история, рассказанная знакомым сослуживцем. Это случилось в начале его службы офицером военно-морского флота. Пьяный боцман, вместо того, чтобы встать навытяжку перед молодым лейтенантом, мазнул ему по лицу кулаком. В ответ офицер, взяв боцмана «за шкирку», поставил «на четыре лапы» и, ухватив за шиворот и задницу штанов, спустил с железного трапа вниз, в кубрик. Пересчитав все ступеньки, боцман ударился лицом о стенку, разбил в кровь губу и нос, но тут же, широко улыбаясь окровавленной, беззубой физиономией, с восторгом показал матросам кулак с большим пальцем: «Ребята! У нас лейтенант – **ВО!!!**» И лейтенант, и боцман, каждый по-своему, сумели постоять за свой авторитет! Их авторитеты укрепились!..

Бесцеремонное поведение вызывает «бесцеремонтную» реакцию!

24.04.2001 г.

Жор!

Походная «голодушка» из-за ограниченности питания и больших физнагрузок вызывает после похода состояние безобразно-неумеренного аппетита, – так называемый «жор», или «обжор», или «обжорик», – есть разные вариации этого термина в туристском жаргоне. Это одна из «прелестей» туризма, мало доступная для понимания тех, кто через нее не прошел. Причем наслаждение это достаточно специфичное для такого вида спорта, как туризм. Альпинистам это состояние, если и известно, но не в такой степени, как туристам, которые обычно сильнее оторваны от баз снабжения.

Походная диета, конечно, не слишком обильная, вкусная и разнообразная. Организм после нее просит чего-то острого, вкусенького и... никак не может насытиться! Чувство голода хроническое.

Кроме того, спустившись вниз, группа туристов сталкивается не только с изобилием «жрачки», но и с соблазнами вкуса особого рода, в виде местных экзотических блюд: шашлыков, люля-кебабов, чанахи, харчо, купатов, шурпы, самсы, лагманов и бешбармаков, мантов, хинкали и хачапури... И, конечно, с великим изобилием фруктов и овощей южных базаров! И начинается «блюд от блюд» в режиме пищевой и общей реакклиматизации, перехода к обычным, «внепоходным» условиям жизни. «Соблазн велик, чуть „перебрал“ – и сник!» «Чахохбили нас побили...»

При этом тренированные организмы туристов подвергаются мощным пищевым ударам. Дело здесь не только в такого рода нагрузках, но и в особом режиме адаптации организма к новым условиям среды, а также в проблемах совместимости различных продуктов, поглощаемых зачастую в неумеренных количествах без разбора и должного порядка. Несовместимые лакомства вызывают повышенные нагрузки на пищеварительные тракты, аптечки и ближайшие санузелы... Вызывают они и моральные «страдания» тех «обездоленных», которые уже не могут принять участие в общих пиршествах, тоскливо наблюдая за ними со стороны. Обычно под снисходительными насмешками товарищей.

К примеру, попытки совместить дыню с молоком или мороженым обычно заканчиваются тем, что клиента выворачивает «без проволочек, как наволочку».

Случаются и вещи, вначале не слишком понятные. В то августовское утро лета 1983-го, я проснулся со странным ощущением, что со мной что-то случилось. Но что, вначале никак не мог понять. Все вроде в порядке, но... какой-то туман во взоре и... чего-то не хватает, что-то потеряно. И вдруг понимаю: аппетита нет. Что-то обрезало его напрочь! Пошли с группой гулять по Фергане. Те, естественно, поначалу за завтрак, к чайхане. Плов, чай, дыня... Меня же подташнивало от самого вида пищи. Пришлось покинуть коллектив на курс лечебного голодания. Чуть позже понял, что случилось. Просто накануне очень хорошо «посидели» в кафе, съел жирную мясную «солянку» (есть там такое блюдо), а затем «добавил» баночку каймака. Это нечто вроде местной сметаны очень высокой жирности. Вот утром печень мне и сказала: «Привет, приятель! Извини, „прием“ закончен! Перерыв на переучет по случаю жирной диеты! Поумерь-ка аппетит, а то получишь еще кое-что похуже, чем его потеря!»

Пришлось смириться! Команды внутренних органов, – это не шуточки! Их надо как боевые приказы выполнять, иначе «не поздоровится» в самом непосредственном смысле. Я кротко дождался, когда печень «дожует» роковой каймак, вернет мне аппетит, и к концу злополучного дня был почти «в порядке». И хорошо прочувствовал угрозу со стороны каймака и всего не в меру жирненького!

После похода **есть** – стремись,
Но в «пропиташке» не зарвись,

Почти за долг свой и за честь
Безаварийненько поесть!

Сборник «Крутые повороты»

«Гражданская война» на Танымасе

Та переправа через реку Танымас на Памире (в 1976 году) запомнилась нам, ее участникам, с некими ассоциациями «гражданской войны», поскольку была она делом крайне «мокрым» и опасным.

И еще потому, что с другой стороны, нам навстречу, переправлялась группа Буденного из Тирасполя. Сам Буденный был ростом чуть более полутора метров и шел с планшетом через одно плечо и биноклем через другое, без всякого «намёка» на рюкзак. За ним шествовала могучая «конница» из парней ростом под 2 метра с рюкзаками «шифоньерных» габаритов. Когда позже мы спросили у них, почему руководитель шествует налегке, один из его «амбалов» объяснил: «Мы его бережем! Он мужик – **ВО!**» И показал огромный кулачище с большим пальцем!

Буденному удалось перейти через один рукав реки, при этом вся группа его вымокла капитально, насквозь, вместе с рюкзаками. Через второй рукав они перейти не смогли, и не смогли вернуться назад из-за увеличения стока в середине дня. Они так и заночевали на острове посреди реки в ожидании ночного уменьшения стока воды.

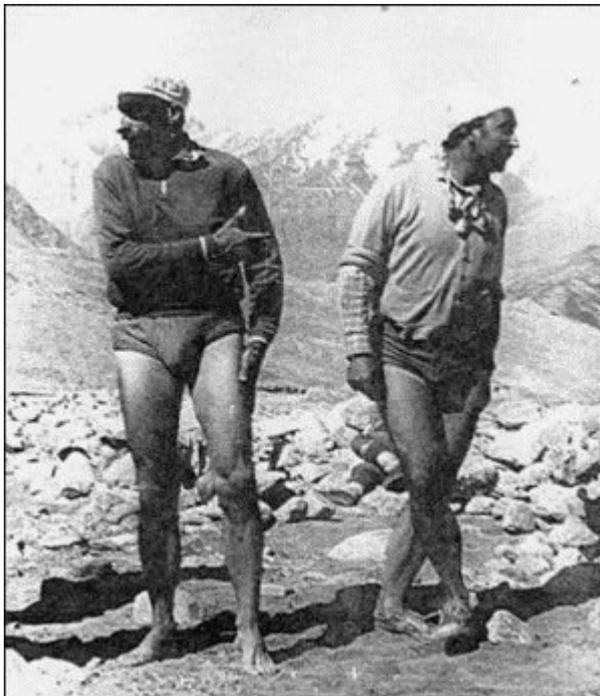
Наша группа переходила немного ниже. Первой, самой «массивной» тройке удалось перейти, но вот вторую, менее тяжелую, смыло потоком, и их пришлось вытаскивать, «мокреньких». Все помогали, но «этот гад Захарченко» засел на берегу с фотоаппаратом (как тот «беляк» за пулеметом, в «Чапаеве») и спокойненько снимал все это «мокрое дело». К его окончанию сухих штанов, ботинок и рюкзаков почти ни у кого не осталось!

После того, как всех вытащили, естественно, стали разбираться, кто в чем, как и почему виноват!

– Зри в Корень! То есть в реку! – А ты – в Проблему!

Было высказано много интересных слов, выражений и эпитетов, понятно, что и выражения лиц были тоже весьма, весьма «впечатлительными» и впечатляющими.

Позиции «Носатого» и «Усатого» существенно разошлись...

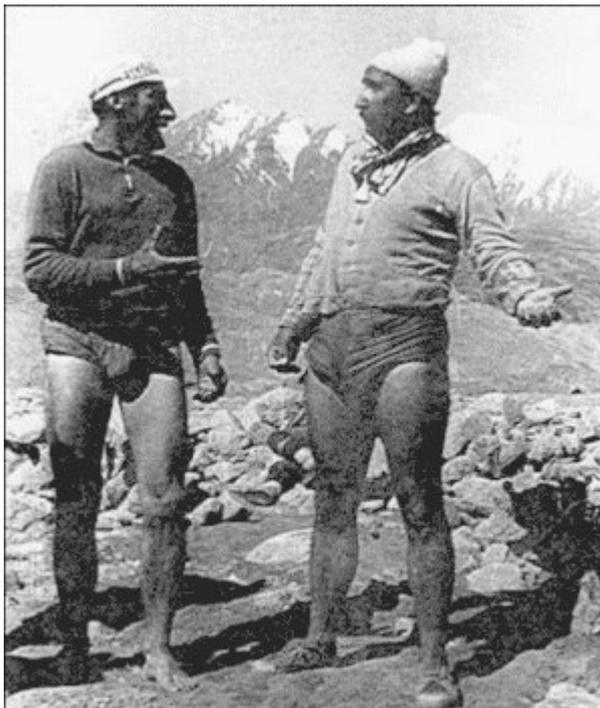
Наверно, такими же, как и при споре Чапаева с комбригом Еланем, когда они чуть не пострелялись из наганов, но передумали и решили, что лучше «выпить за дружбу» (в фильме «Чапаев» этот эпизод «мягко» обыгран в сцене спора Чапаева и Фурманова).

– Стоять надо так!.. – А идти?.. (Цивилев, лежащий на заднем плане, разумно не «встревал» в «битву корифеев», а Крылов ходил вокруг в раздумье и в триконях...))

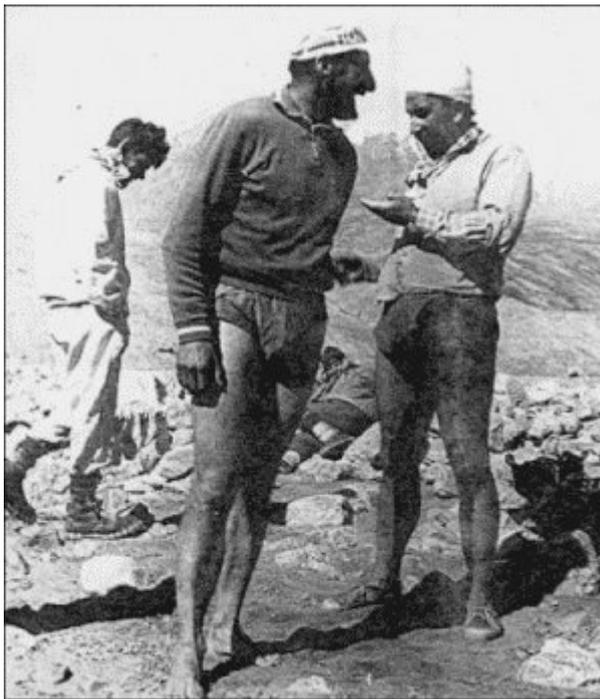
Новый вариант картины «Охотники на привале»...

А «этот гад Захарченко» продолжал всю работу фотоаппаратом, как пулеметом!

Сближение позиций! Кое в чем по тактическим мелочам удалось договориться! Например, насчет возмутительного поведения Захарченко...

В результате получились такие замечательные снимки, что по ним и без подписей ясно, что за разговоры, что за выражения применялись после той памятной переправы.

Остались при своих... Сомнениях! В том, что они были неправы! (а Цивилев продолжал лежать, а Крылов ходил вокруг в раздумье и в триконях...)

За эту благодать все возблагодарили «гада Захарченко», как «молодца Захарченко» за находчивость и выдержку. А переправа та в памяти осталась, как «бой местного значения»!

По воспоминаниям участников переправы, мастеров спорта по туризму В.Сергеева, И.Благово («Носатого»), В.Захарченко, И.Остроухова («Усатого», – любезно предоставившего данные «компрометирующие снимки»), Б.Самодельникова на юбилее 70-летия И.Остроухова, март 2002 г. Литературное переложение Е.Буянова.

Е.В. Буянов, Ю.А. Кузнецов Мягкий рывок

Спрашиваешь, срывался ли на маршрутах?

Два раза было и всё по легкомыслию участников и самоуверенности руководителя. Первый раз в Безенги, на траверсе Урала, в 70-м. Потерял один из нас пару ледовых крючьев, а руководитель решил по наглomu спуститься с перемычки по ледосбросу. Без кошек, – их у нас не было. Две веревки-«сороковки» связали, закрепили на ледорубе, забитом в фирн и вдвоем спустились. Внизу еле-еле забили ледорубы в какую-то трещину на глубину штычка. Склон безнадежно гладкий, – стоим еле-еле, чуть дыша. Третий, – наш отважно-отчаянный храбрец-руководитель, – О-ОХом назовем, – снял веревку, пошел и упал на пятом шаге, всей тушей с рюкзаком прямо на нас без попытки зарубиться... Ничего не успели, – какой там маятник, или выбор веревки!.. Чувствую, что несусь на спине вниз головой. Того, кто страхует при нижней страховке всегда так сбрасывает. Как удалось перевернуться и распластаться, – не знаю сам. Одежду рвет с хрустом, на вытянутой руке тащится ледоруб. Подтянуть его оказалось делом долгим, а когда подтянул, нас как раз через бергштрунд кинуло с короткой «отключкой» мозгов. Потом резкий скрип, переходящий в шорох и... оглушающая тишина с солнцем в лицо! Встаём...

Смотрим, – все ли цело. Вся верхняя одежда до подмышек закатана, до голого пуза. Но нигде ни синяков, ни ссадин. Только ладони рук раздулись до размеров боксерских перчаток. Полезно оглянуться на пройденный путь, – «наждачили» по льду метров пятьсот, не меньше. Вещичек наших по склону поразбросало! Пришлось походить... Интересно, что одежду не порвало, хотя она терлась о лед и фирн очень сильно.

Сверху слышен гомерический хохот нашего О-Оха, Кости. Ему страшно забавным показалось то, что он после остановки оказался выше нас. Ведь в начале срыва он решил, что улетит дальше всех. Его остановило достаточно «мягким» рывком веревки, после чего мимо него пролетели мы с напарником. Собирали вещички, а он все продолжал весело смеяться, «орел»...

На тропе к альплагерю меж нами открыто пошли «костерные» (жаркие) разговоры:

– Вот гад какой! Сам и подставил нас, сдернул, руки нам «надул», да еще смеется! Мы с такими «сувенирами» на руках, а он цел, как копейка! Издевается, ядрена вошь!

– Сделаем «темную» этой «светлой голове». За мягкий рывок надаем по мягкому месту. В виде «моральной» компенсации и за «сдерку», и издевательство в виде смеха.

– Да, половым «абалаковским» способом.

– Это как это?

– А просто! Рюкзак абалаковский на голову, прижать голову к полу и основной веревкой по заднице, по заднице. Аккуратно, но сильно! Га-га-га-га! Десять раз с прочтением десяти заповедей грешнику... Господи, благослови на святое дело!

– А голову еще надо спальником придавить, – чтобы начспас вопли не услышал. Узнает, – всем влетит «до чертиков», и восхождение не зачтут. Спальник погрязнее, попыльнее надо подобрать!..

– А чтоб очнулся на полу в лагерной Шхельде. Затащим туда в знак особого расположения. Ты, Костя, как? Как к таким перспективам относишься? Как ты, нас будешь водкой отпаивать, или «потерпишь издеательства»?

– Лучше потерплю. Но буду сопротивляться. Ой, долгой-долгой драка будет, – и виновник «торжества», до того слушавший с виноватой улыбкой планы начинающих садистов, сокрушенно покачивал головой.

Но эти мысли кончились в душе. Бог сам наказал, оставив удар хлыста! Вокруг всего туловища «клиент» имел сине-фиолетовую полосу от грудной обвязки, – результат «мягкого рывка».

– Ха-ха-ха-ха! Ой, не могу! «Мягкий» рывок!..

– О-хо-хо-хо-хо! Вот и «моральная компенсация»...

– Знак божий! А если б рывок жесткий был?

– Мясо бы с плеч немного сняло?

– Хрен тебе! Вся бы решетка, как скорлупа яичная треснула!

«Клиент» и вечером стал предметом шуток и насмешек: Спорили, какого цвета эта «лента ордена обвязки» на спине: синего, фиолетового, или черного. Просили показать, справлялись у него о состоянии здоровья, участливо похлопывали своими руками-перчатками по спине и приглашали поделить опытом «мягкого рывка» и скатывания наперегонки по льду.

Мы-то, конечно, ему все сразу простили, а треп... О чем только не треплются альпинисты! Ведь среди них есть немало настоящих «гусаров». Потому, конечно, внешне восхищайтесь, удивляйтесь, охайте, но не слишком-то верьте их рассказам о «мужских подвигах»,

о «женской щедрости», о «воспитательном поколачивании» и пьяных гулянках в альплагерях. Все это – красивые выдумки для тех, кто там не был.

– Понял, почему рывок «мягким» получился. Потому, что веревка вытянулась, – на длинном конце. Да потому, что закреплена была не жестко, – ведь он нас сдернул. Его рывком остановило, а нас «покатило». Получилось, как два шара стукнулись...

– Хорошо, что катились не кубарем, не «бочкой». «Бочкой» бы скорость такая вышла, что по частям бы на склоне разобрало...

Второй случай очень был похож, – на спуске с пика Каракол, на Тянь-Шане. На этот раз крючья были в наличии, но наш новый О-Ох сумел уговорить всех, что их использовать не надо. Один дурак всех остальных дураками сделал, – стандартный путь начальника-идиота, пребывающего в радужном заблуждении, что у человека несколько жизней! Этот потом не раскаялся, – считал себя правым, несмотря на срыв. Я стал ему возражать, я был «битый». Но он, отрава, стал «подначивать» тем, что я, якобы, «трус». А я, хотя и битый, все же не сумел возразить, как научился позже. Примерно в таком духе: «Пусть я и „трус“, но тебя не боюсь!.. Я считаю: нужна страховка!»... Внутренняя этика альпиниста должна ему указать на необходимость обеспечения безопасности по первому требованию товарищей! Нелегкая это бывает ситуация, когда инструктор «подначивает» группу на неправильные действия, – в таких ситуациях надо уметь показать характер. Бывает и наоборот: группа «подначивает» инструктора, – тогда он должен характер проявить, и остановить небрежность, заставить лентяев и любителей «дармовщинки» работать, как надо...

Ну, начали спуск, надвязали мы четыре веревки, на которых расположились «паровозом» все восемь человек. На нижнем конце верхней сороковки встали двое страхующих, – моя жена и еще один участник. О-ох на этот раз сорвался не на пятом шаге, – он сорвался на пятом метре. Большая разница!.. Я был самым нижним в «паровозе», и видел всю последовательность...

«Я срывы те не в „телевизоре“ видал!»

Сначала, как пушинок, он сдернул мою жену и напарника, а дальше весь этот комок шутя срывал остальных членов «поезда».

«На дальней станции сойду... дрожь по пояс».

Стоящий двадцатью метрами выше парень повернулся ко мне, и спокойным таким, отрешенным голосом сказал: «Юрка... Это конец!..». Опять, конечно, не было маятника, и падали друг на друга. Навалился на ледоруб, воткнул клюв, насколько удалось, в склон. За рывком опять последовал короткий провал в памяти. Осознаю, что лечу на спине головой вниз. Рюкзак с барахлом опять смягчил удар и защитил голову, – она, как и у других, без каски. Летим далеко!.. Потому закрываю голову руками и смутно размышляю о превратностях пути и судьбы. Куда вынесет: вправо, к обрыву пропасти, в полное небытие, или влево, на спасительный снег, на выполаживание. Если в пропасть, то... Мама! Она не переживет!.. Других мыслей не было. Странно: немало людей пишут и судят о том, о чем думает человек в момент гибели. Но никто еще не написал о мыслях того человека, который действительно погиб.

Нам повезло, – вынесло влево, на широкую седловину перевала Джеты-Огуз. В нижней части наш «экспресс» сорвал небольшую мокрую лавинку, – первый раз увидел, как лавина помогла, а не угробила.

Когда остановились, сразу пересчитались по головам и спешно откопали мою жену, полузадушенную веревками. Одежду опять задрало до самого верха. Потом при ураганном ветре долго ставили тандемом палатки, нарезая крышками от кастрюли снежные кирпичи для ветрозащитной стенки. Травма досталась только мне, – на этот раз распухла только правая рука от отчаянной попытки остановить летящих сверху «пассажиров». Все пришли в себя через несколько минут, но какая-то напряженная настороженность осталась... По мозгам так врезало, что они где-то глубоко внутри понимать начали: «Что-то не то сделали, ребята!..». Этот руководитель оказался неисправимым. Свою вину не признал, – было видно, что не чувствует себя виноватым. Потому мы никогда больше с ним не ходили.

В Безенги видел результаты похожих срывов с куда более печальными исходами. Когда погибших с трудом опознать можно было. Кем лучше быть, – живым «трусом» или «храбрым» покойником, – решите сами, какие кавычки выбрать. И решите сами, кто из них умнее. А дураков, и их обвинений бояться не стоит. Горы уважать надо, и всегда считаться с ними. Нам в этих случаях они легкомыслие простили. Но могли и не простить!..

(Написано по рассказам Кузнецова Ю.А., Иркутск, 29.10.06. Иллюстрации: фото Буянова из похода 1991 г., группа Цехановича Г.С. 5 к. сл., на спуске с перевала ВГУ, по гребню от пика Каракол на перевал Джеты-Огуз.)

Е.В. Буянов, П.П. Захаров, Ю.А. Кузнецов Они больше «не ходили»...

Рассказал мне знакомый альпинист одну историю.

Был в альплагере один компанейский парень. Балагур, весельчак, певун и гитарист. И по хозяйству хорош во всем! В любой компании его рады были видеть. В общем, «душечка», а не парень. Но вот однажды взяли мы его в группу на восхождение. В компании у нас он был новеньким, – никто с ним до этого не ходил. Случился на этом восхождении срыв, – сорвался его напарник по связке. А вот сам он к срыву был не готов, – мы сразу поняли, что сейчас первый сорвет второго и полетят оба! Но! Он вдруг быстрым движением отстегнул карабин связочной веревки. Кажется, по простой и понятной логике: «Зачем биться двоим?..». К счастью, веревка, хотя и отстегнутая, все же как-то случайно змеилась и зацепилась за скалу, – срыв был остановлен. Однако... Что-то изменилось в наших взглядах на этого парня.

С ним больше никто из нас **не ходил**...

Вот такая история.

Был однажды в горах трагический случай. Знаю понаслышке, как легенду. Парень не мог удержать девушку. Понял, что оба разобьются, и... перерезал веревку. Момент был очень опасный! Потому группа скрыла и «покрыла» этот поступок, – не захотели, чтобы его за этот поступок судили. Бог им судья! Но вот с ним, с этим парнем они больше уже **не ходили**...

Рассказывала мне еще одна альпинистка, Лида Борович об одном случае. Дали ей в напарники одного парня, – и она уже на маршруте поняла, что он ни по снегу ходить, ни по скалам лазать, ни страховать не умеет. Маршрут они все же прошли, – спустилась она, вся взмыленная, с ужасом в глазах... Больше она с ним, с этим парнем, **не ходила**.

Тот же альпинист (что и в начале) рассказал еще одну притчу-легенду. Одно время тренировался он у одного опытнейшего инструктора-методиста. И появился у них в группе парень, – сама «услужливость». Он инструктору тарелки и кружки подносил... А тот его за это из своей группы очень скоро выгнал, и другим сказал: «Не верьте тем, кто вам кружки и тарелки таскает... Не верю я таким!» (такую легенду мне, якобы, про Барова рассказали, но, – вот беда, – Баров сам о таком случае не помнит).

Я, конечно, примерно представлял, что имел в виду «инструктор», но вот яркого примера такого «типа» у меня на памяти не было. А тут, как будто специально уже другой старый альпинист рассказал еще одну историю, которая «тык-в-тык» с выводами и смыслом слов Барова совпала. Но вначале Пал Палыч сказал вот что.

Учил меня еще мой мудрый дедушка: может, будет в жизни тебе кто-то свое «золотишко» в разных видах «подпихивать». В виде самых разных «благ»! Так вот, прежде чем эти блага взять, ты посмотри ему в лицо хорошенько. На месте ли оно, лицо, или это маска? А если маска, то что под ней? Под ней может и харя свинья, и морда волчья оказаться! В общем, посмотри, взглядись хорошенько. И если лицо тебе не понравится, не бери никакое «золотишко», как бы заманчиво не смотрелось... Боком выйдет!.. Это – мудрость жизни. А сама история вот такая случилась.

Попала группа в непогоду на гребне Бжедуха. Отсиживались, а продукты на исходе. Холодно и голодно. Последние сухари считали и делили! Был в группе парень один, – компанейский, с виду трудолюбивый. В общем, нормальный и хороший парень. Как все считали. Как и другие, он нес продукты, – порядочный такой шмат колбасы.

– А где колбаса-то, коллега?..

– «Вы знаете, рюкзак перекладывал, выложил ее на уступ, и позабыл там...».

Ну, ладно, бывает. Ночью лежим в палатке, и вдруг слышим какой-то приглушенный звук. Думали, что показалось. Прислушались. Чавканье негромкое слышно... Перешепта-

лись: действительно, чавкает кто-то во сне. Разобрались быстро. Он, как глист, забрался внутрь спальника с закрытой стороны, и жрал колбасу втихаря. Колбасу у него отобрали, и остатки поделили.

На следующий день никто с ним в связке идти на спуск не захотел. Пришлось идти мне, руководителю. Там есть место одно, – «гоголем» называется. Скала в форме носа, – три монолита, а между ними трещина. Надо сверху подлезть, нащупать в трещине крюк и повесить карабин спусковой веревки. Я это сделал, а потом стал выбирать веревку для приема напарника. Конец веревки ко мне без узла пришел...

– Ты зачем веревку отвязал, ядрена вошь!!?

– Да, а вдруг Вы бы сорвались, – мне что, тоже лететь?..

Пришли в лагерь. Ночью вызывают в медпункт. Врач говорит:

– Где это у Вас так участник побился?

– Какой участник? У меня никто не побился, – все целые пришли, как огурчики!

– Да, вот этот... Его в больницу отправлять надо. Я спрашивал, где побился. А он все молчит...

Его вечером ребята под ручки отвели в лесок за лагерем, взяли «в кружок» и устроили «пятый угол» руками по лицу и по туловищу, а ногами по «пятой точке». Так «метелили», пока он не догадался свалиться. Понятно, лежачего не бьют, – лежачему они объяснили:

– Вали отсюда! Со страшной силой! Никто из нас к тебе не пристегнется! И доброй девочке к тебе «пристегнуться» не позволим, – ты ее в благодарность в пропасть спустишь. Этого еще не хватало! Мотай подальше, гнида!.. Ты нам не нужен!..

Может, конечно, и не совсем так оно было, – я того не видел. Но, по сути, – по сути, было так!

Больше его в альплагерях не видели.

Знать надо, с кем ходить. А если видишь, что с «этим» ходить не надо, надо сразу завернуть с ним вниз. При первой возможности, – черт с ним, с маршрутом...

Лучше, «черт с маршрутом», чем «с чертом на маршруте»!

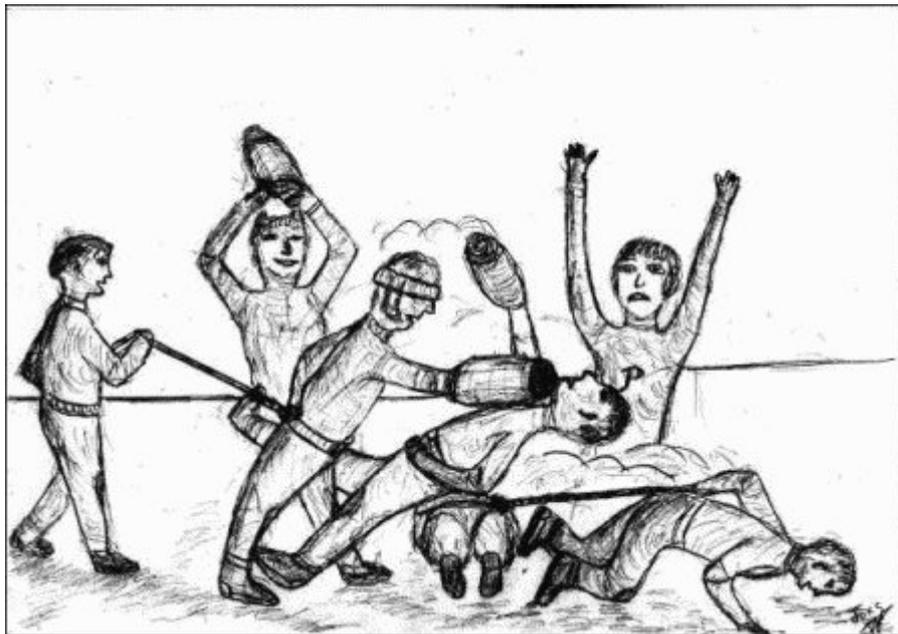
И не ходите с теми, с которыми другие предпочитают не ходить.

Ходить надо не с «господами», а с товарищами. Есть такое понятие.

Жизнь одна, товарищ!..

(Написано по рассказам Кузнецова Ю.А., Иркутск и Захарова П.П., Москва, 29.10.06.).

Домбайский бокс

– Правила простые: ринг ограничивается веревками, которые держат в руках помощники судей. Участникам-боксерам завязывают глаза и на правую руку до локтя наматывают спальный мешок, – этой рукой можно наносить удары. Левые руки закрепляют на поясе сзади, – ими наносить удары нельзя. Ведут боксеров партнеры-направляющие с открытыми глазами. Ведут на веревках-поводках, закрепленных на поясах боксеров ремнями обвязки Абалакова. Направлять и отдавать приказы голосом запрещается. Судят бой судья на ринге и двое боковых судей. Победа присуждается за активность, большее число нанесенных ударов и по прихоти судей. Если кто-то из боксеров падает, – это считается «нокаут». Потеря «перчатки» – штрафные баллы. Объявляют обычно, что боксирует чемпион Мира против чемпиона Европы. Или Олимпийских игр! Предупреждают, что за нарушение правил или общественного порядка могут «убить морально»: положить голову на плаху и «отрубить» ее подушкой.

Объявляют: «То, что нельзя свалить с больной головы на здоровую, можно свалить со здоровой на нетрезвую!»

И что в горах «здоровая» голова, которая не сумеет вовремя «свалить», вовремя становится «больной»...

Примерно так объяснил нам правила домбайского бокса директор военной турбазы «Терскол» подполковник Галич (в июле 1969 года). Картину развлечения мы представили, но реальность внесла некоторые коррективы.

Одним из дополнительных условий «соревнования» являлась изоляция участников последующих боев, – им не давали посмотреть, как боксируют перед ними. В этом обстоятельстве таилась какая-то загадка. Видимо, от боксеров что-то скрывали. Еще перед первым боем бросилась в глаза и запомнилась плутоватая физиономия одного из боковых судей с каким-то задорным, хищным блеском в глазах. Оба эти парня проявляли необычайную активность, вроде не вполне свойственную их пассивным обязанностям. С лукавыми улыбками уселись они в углах ринга на свернутые в трубочку ватные спальные мешки, – такие же, какие использовались в качестве «перчаток» боксеров.

Боксеры же с намотками спальных мешков на руках имели несколько «инвалидный» вид. Помните: «Шел, упал, очнулся, – гипс!..» – «Береги руку, Сеня!..»

Что же будет, что же будет?.. Но вот ударил гонг, и слепые боксеры двинулись навстречу друг другу, направляемые поводками поводырей, размахивая перчатками и пытаясь достать друг друга. Под дружный рев, смех и свист толпы болельщиков. Вот тут двое боковых судей вскочили, подхватили из-под себя свитки спальных мешков и... вступили в схватку. Подскочили сбоку к боксерам, и с размахом трубкой спального мешка сверху по голове! Тучи пыли, выбиваемой из спальных мешков, мешались с тучами пыли из под ног всей «великолепной семерки», топтавшейся на ринге. Удары «по кумполу», естественно, вызывали резкую ответную реакцию «домбайбоксеров», которым казалось, что это наносит удары удачливый противник. Они начинали вертеться и боксировать более активно, пытаясь взять реванш за нанесенные удары. Толпа болельщиков билась в истерике от судейского «шкодства» и неуклюжих попыток «домбайцев» достать противника, – ведь удары сыпались с той стороны, где противника не было. Иногда боксерам все же удавалось доставать друг друга. Судья на ринге кое-как руководил боем, иногда разводя участников и давая указания направляющим. Комментаторы смачно обсуждали перипетии поединка в стиле то Синявского, то Набутова, то Котэ Махарадзе. Так дрались участники-новички.

Но вот на ринг вывели кое-кого из «бывалых», тертых калачей. Таким, в частности, явился наш инструктор, альпинист-перворазрядник. Его уже нельзя было удивить ударами спального мешка по башке, – с этими судейскими «штучками» он был хорошо знаком, а голова у него была достаточно крепкой. Он вышел на ринг с правильной, ясной и светлой целью как следует поколошматить не противника, а судей. Не без труда, но это ему удалось. Он наносил удары решительно и смело во все стороны, и от этих ударов крепко доставалось всем, – и противнику, и судьям. А на удары судей мгновенно отвечал ударом в сторону обидчика. Логика простая: к чему бить противника, который ни в чем не виноват, – лучше побить наглых судей, беззастенчиво избивающих одноруких, слепых «домбайцев». Судьи от него испуганно разбежались по рингу, – берегли зубы... Он вертелся и бросался в разные стороны совершенно непредсказуемо, лишь немного учитывая направляющие подсказки своего поводыря. По положению поводка он чувствовал, где «свой» и в его направлении удары не наносил. А в других направлениях действовал решительно и жестко, и такие действия имели успех. Рано или поздно, он должен был кого-то «достать». Тактика «бей всех, кроме своего», явно побеждала. Наконец, к пороссячьему восторгу окружающих, один из судей был «нокаутирован» сильным ударом «перчатки» и корпуса. Он пытался подкрасться сбоку и нанести удар, но сам получил удар перчаткой по уху и, в состоянии «обалдения», был сбит с ног силовым приемом, как в хоккее. Судья скрылся в пыли ринга, мелькнули тапочки, – справедливость восторжествовала!.. За «такое» нельзя было не «зауважать». Победа! Благодарные судьи начислили дополнительные призовые баллы, объявили своего обидчика победителем, вручили ему ценный приз, – пачку печенья. И вместе с ним отправились «пьянствовать» победу, – от «своего» не обидно и по физиономии получить. Ведь это была одна «компашка»...

Шхельда

Шхельда-тау от ночевок Ах-Су, 1974.

Шхельда (4320) – вершина Центрального Кавказа, не слишком высокая, но крутостенная соседка не менее знаменитой и более высокой Ушбы (4710). Замыкает собой одноименное ущелье с Шхельдинским ледником. Река Шхельда впадает в Адылсу – правый приток Баксана. У устья реки Шхельды стоит альплагерь «Шхельда» (в прошлом от спортобщества «Спартак»). Венчают Шхельду пять башен-вершин, пять огромных зубцов и несколько отстоящая от них вершина пика Профсоюз. Простых маршрутов на Шхельду нет, – ее стены гремят камнепадами, лавинами и водяными водопадами, омываются мощными ветрами. Штурмовать Шхельду могут только опытные альпинисты, – многих эта вершина закалила на восхождениях. Немало альпинистов сложило головы на пути к опасным башням вершины. Шхельда воспета в нескольких туристских и альпинистских песнях, – самая известная из них лирическая песня Юрия Визбора «Шхельда». Есть очень мрачная песня «Шли вчетвером они на траверс Шхельды...», – ее сочинили в конце 30-х годов, пели у костров Великой Отечественной. Варианты этой песни приведены в сборнике Курчева «Горы в наших сердцах» (в основу песни легли несколько трагических случаев гибели альпинистов, в частности, гибель Чашникова на Шхельде, – она описана в моей статье «Срыв!.. А сколько он падал?..»).

«Шхельди» на местном наречии означает «брусника», и «законный» запах этого слова – брусничный. Насчет реки и вершины Шхельды, возможно, сказал Онегин: «...Боюсь, брусничная вода мне б не наделала вреда...»

Но в туристско-альпинистском лексиконе прочно укоренилось еще одно шутивное, «знакомое, но незаконное» смысловое содержание слова «ШХЕЛЬДА», равнозначное терминам «туалет» и «сходить в туалет» (сходить «на шхельду»). Известны несколько версий происхождения этого термина. По одной версии он произошел из-за того, что из туалета лагеря «Шхельда» вершина была хорошо видна, «как на картинке». По другой версии одна из альпинистских групп, идущих на Шхельду, очень страдала расстройством желудка, и свое-

образно «промаркировала» весь свой маршрут к вершине частыми заходами «на шхельду». По третьей версии все группы, поворачивавшие в ущелье Шхельды, по дороге упирались в туалет альплагеря, все тропы сходились здесь. А заблудившиеся на этих тропках группы неизменно выходили опять к туалету (опять «шхельда!», опять «вляпались!»). По четвертой версии дорожка в альплагере к туалету шла и «в сторону вершины», потому прогулку к туалету и стали шутливо называть «походом на Шхельду». Имеются и другие версии, – почти каждая группа, проходившая мимо этого альплагеря сочиняла свое объяснение. Подтекст в шутливом ключе: выполнить действие важное, нужное и трудное, как восхождение на Шхельду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.